

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

МОИ “ЧУЖИЕ СНЫ”

*Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.*

А. С. Пушкин

“Зимняя дорога” (1826)

Новая книга стихов Дмитрия Мизгулина тихая, почти интимная. Она называется “Чужие сны” (Санкт-Петербург, 2013), и понятно, почему: дорожные сны автора близки и понятны каждому, кто мотается по просторам России в самолётах и поездах, близки настолько, что каждый может назвать их своими. Тот, кто мчится по жизни в современной суете, тот, кто летит в глубоком ночном небе России, хочет видеть свой спокойный, домашний, а не тревожный сон.

*Такая вот работа:
Всю жизнь — туда-сюда,
Ночные самолёты,
Ночные города...*

И, как рефрен, звучит и звучит:

*Судьба помотала немало:
В каких только не был местах!
Полжизни прошло на вокзалах,
Полжизни — в аэропортах...*

Тема скитальца и дороги в русской поэзии — это уже давно объект приложения труда филологов, ставший основой целых монографий. Не зря я вынес в эпиграф строфу из хрестоматийного стихотворения Александра Пушкина. А продолжить можно и стихами Тютчева, Фета, а можно найти немало и в “Серебряном веке”, скажем, у Владислава Ходасевича: “Я скитаюсь здесь напрасно. Путь далёк мне. Я пойду”. Или у Максимилиана Волошина: “Пройти по всей земле горящими ступнями, // Всё воспринять и снова воплотить”. Или уже у близкого к нам по эпохе Анатолия Жигулина:

*Дорога, дорога.
Стальные колеса.
Суровая вежа
В тревожной судьбе.*

*Кому-то навеки
Лежать у откоса.
Кому-то всю жизнь
Вспоминать о тебе.*

Наверное, каждый, кому знакомо это чувство русской дороги, этого необъятного пространства со всех сторон, кто пронизывал его с запада на восток и с востока на запад по стальным параллелям Транссиба, может немало сказать о том, как жизнь превращается в дорогу, а дорога становится жизнью... За окном поезда или автомобиля меняются, размазываются, как на полотнах импрессионистов, пейзажи, меняются комплексы аэропортов, лица усталых портье, и тогда в этой кутерьме, в этой, казалось бы, так важной для нашей брэнной жизни гонке человек должен ощущать некую главную отправную точку, то, за что действительно важно держаться, то, к чему можно вернуться.

*И пусть конец дорогам
Ещё не виден — нет,
Уверен — перед Богом
За всё держать ответ.*

Вот она, эта точка или, может, правильнее сказать, многоточие Вечности:

*Летя сквозь ночные метели,
Неистово Богу молись,
Чтоб мимо спасительной цели
В беспмятстве не пронестись...*

Что говорить, сегодняшний мир наполнен, буквально насыщен этой “беспмятной” суетой. Суетой, замешенной на апостасии.

*Кружусь по жизни день-деньской
В привычной суете мирской,
В оковах разных должностей,
В глухом плену чужих страстей...
.....
И под покровом тишины
Смотрю всю ночь чужие сны...*

“Беспмятство”, то есть не памятование о Боге, о Вечности, застигает неподготовленного современного человека, поглощают его, и он, лишённый молитвенной и ангельской защиты, бежит вслед за комфортным поездом апокалипсического прогресса:

*Вреён последних зритель,
Беспмятством дышу,
За чередой событий
Стремительно спешу,
В потёмках спотыкаюсь,
Блуждаю иногда,
Бреду, греша и каюсь,
Неведомо куда...*

Сборник разделён на две части: “Ночные самолёты” и “Ночные поезда”. Редактором его выступил ныне покойный питерский поэт Андрей Романов.

Мизгулин не был бы Мизгулиным, если бы в “Чужих снах” не снилась ему державная статья, то, чем может и должен гордиться каждый гражданин России. Это не пресловутое, заклёванное либералами имперское мировоззрение, это не безнадежная тоска о былом величии, — это просто опора. Нравственная, национальная. И — одновременно — здоровая ностальгия. Она в стихотворении “Спят самолёты в аэропорту” и в блистательном, на мой взгляд, стихотворении “Гагарин”, которое начинается с бьющей в лицо строфы:

*Как грустно на Родине милой:
Пустеют и стынют поля.
И вместо героев — дебилов
Рождает родная земля.*

Но “Гагарин вершит свой бессмертный полёт”, а значит, и полёт страны продолжается. И мы знаем, что вслед за Гагариным, за его лучезарной и бесконечно доброй улыбкой, в любые времена поднимались в небо наши герои. Ради чего? Нет, не ради сытого комфорта, который может быть только фоном, интерьером великой страны, а ради того,

*Чтобы сын гордиться мог
Нашей долей славной,
Чтобы снова слово Бог
Стал писать с заглавной...*

Вот чего ждут от новых поколений по меткой метафоре сразу двух русских поэтов — Юрия Кузнецова и Станислава Куняева — “ветераны третьей мировой”. В стихах, посвящённых Станиславу Куняеву, Юрий Кузнецов в последней строфе определил это значение духовной брани, её отправную точку:

*Бесам пораженья не внимая,
Мы по чарке выпьем горевой.
Потому что третья мировая
Началась до первой мировой.*

И всё же эта книга Дмитрия Мизгулина, как я уже сказал, тихая. Гражданская лирика в ней переплетается с лирикой любовной и снами из детства. Потому что, по верному слову гениального Юрия Кузнецова, “русскому сердцу везде одиноко. // И поле широко, и небо высоко”... Кто из нас не ощущал той знаменитой болдинской, пушкинской, исключительно русской хандры? Есть ли в других языках такое слово? Романо-германские языки говорят о меланхолии, ипохондрии... Но так резко и так больно звучит только русская хандра! Святитель Лука Войно-Ясенецкий называл её тоской по Небу. Тоской по Богу...

*А всё по воле Божьей:
И радость, и печаль,
И это бездорожье,
И голубая даль,
И встречи, и разлуки,
И трепет мотылька,
И над речной излучкой
Литые облака.*

Хандра... Возможность остановить суету. Остановиться на краю её, посмотреть со стороны. На тот самый прогресс. Технический и беспощадный. “А мы же в айподе, в айпаде // Находим спасенье своё”, — горько резюмирует поэт. И прогресс у него “радостно скачет и мчится на звонких копытах...” Прогресс... Глупое металлическое слово неопределённого направления. Топтание на месте с псевдомодуляциями и псевдокульминациями. Всё куда-то стремимся. Может, не в ту сторону? Причём, с самого начала. С Адама... Господь создал человека, чтобы он восполнил количество ангелов, вместо падших. А мы кого восполняем?

И хандра — как лекарство... И тихое, вкрадчивое вдохновение...

Русские поэты благодаря этому состоянию “нахандрили” тома бессмертных произведений. Мизгулин родился ранней осенью, в сентябре, и потому можно уверенно считать и построчно проверить, что вдохновение осени вселилось в него с первым дыханием. Помните, у Арсения Тарковского: “Только этого мало...”? И вот, в каждом творце, у которого разрывается сердце навстречу Небу и Богу, живёт неодолимое желание преодолеть земное притяжение, вырваться из этого “мало”, и каждый из них в этом смысле становится Гагариным. И, совершая бессмертный полёт в последние секунды, вслед за Юрием Кузнецовым, сможет воскликнуть “Домой!” Потому — отвечает Мизгулин:

*Но поверь, что никогда не поздно
Будет достучаться до небес.*

Для этого надо остановиться. Замереть. Всмотреться. Свою повесть “Полустанок” я завершил вот такой сценой: “Поезда грохочут мимо. Наверху небо бороздят самолёты, ещё выше – спутники. Миру кажется, что он движется по пути прогресса в очередное светлое будущее. Миру кажется...”

Мир не знает, что центр Вселенной находится на маленьком полустанке Транссиба. Мир не знает, отчего так щемит сердце, когда видишь открывающуюся перед тобой великую русскую даль. Мир всё больше живёт по теории упущенных возможностей, потому что он забыл или перестал понимать истинный смысл слова “выбор”. Мир не слышит, как нас зовут:

– Сергеи, оба! Пойдёмте обедать! Ну, что вы уже битый час стоите и смотрите вдоль путей? Что вы там увидели?! – И смеётся: – Конец путей, что ли?

Нет, только полустанок. Он огромный. К нему тянутся дороги с Востока и Запада. А от него только одна – в небо...”

Чтобы почувствовать это, не обязательно быть творческим человеком. Для этого достаточно говорить на русском языке.

“Ваша природа какая-то простая, незамысловатая”, – сказал мне как-то иностранец, с которым мы остановились в сибирских ещё незаснеженных осенних полях. Я сначала хотел даже обидеться, но потом вдруг понял, что он прав. “Всё гениальное просто”, – ответил я ему. И он согласился: “Да-да... Великие просторы... У многих ваших поэтов они звучат, во многих песнях...” У Мизгулина есть такие строчки: “Частичка торжествующей природы – Бессмертное создание Творца”. Это о человеке. Но частичкой проще всего ощущать себя именно на наших просторах... Или – над ними. В том самом полёте, о котором и я, и поэт говорили выше. И Мизгулин, в этом понимании, прост и беспристрастно точен.

Я назвал Мизгулина осенним поэтом. Но для него верно и постоянное, радостное и наполненное Божией Вечностью ожидание весны. Пробуждения. Это тоже легко найти в сборниках поэта построчно. Но это не просто ожидание весеннего и летнего буйства природы, это – как и в “Слепом” Николая Заболоцкого:

*Расцветая в садах,
Сумасшедшая стонет сирень.
В белом гроте черёмух
По серебряным листьям растений
Поднимается к небу
Ослепительный день...*

Потому что Мизгулин, как и Николай Заболоцкий, “такой же слепец, // С опрокинутым в небо лицом”. Но главное – это пробуждение, о котором писал Борис Пастернак в “Магдалине”:

*Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до Воскресенья дорасту.*

До Воскресенья! До Дома... Потому что все дороги должны вести Домой. Домой, с большой буквы. И жизнь наша, какой бы она нам значимой и осязательно-реальной ни казалась, это, в определённом смысле, тоже сон. Загляните в “Чужие сны”, потому что нам всем важно, в каком порту, на каком причале, в каком небе мы проснёмся... И куда поедем, пойдём дальше.

“А жить так просто на Руси”, – начинается одно из стихотворений сборника. Как просто? Просто надо проснуться до всеобщего пробуждения... Где-то на обочине прогресса и глобализации.